

Религия как терроризм

В распоряжении «Новой» оказалась новая экспертиза по делу об «оправдании терроризма» в спектакле «Финист Ясный Сокол». Что в ней не так

Женя Беркович и Светлана Петрийчук. Фото: Василий Полонский / «Новая газета»

08:17, 18 января 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

9 января на заседании Замоскворецкого суда Москвы, где до 10 марта продлили арест режиссеру Жене Беркович и драматургу Светлане Петрийчук, адвокаты раскритиковали новую экспертизу по обвинению в оправдании терроризма, которое следствие углядело в спектакле «Финист Ясный Сокол».

В распоряжении «Новой» оказалась эта самая экспертиза, а точнее – «заключение эксперта». Оно состоит из двух частей: комплексной психолого-лингвистической и автороведческой экспертиз. Автор – криминалист экспертного подразделения УФСБ России по Свердловской области Светлана Анатольевна Мочалова.

Экспертиза была начата 8 августа 2023 года и закончена 24 ноября. То есть Светлане Мочаловой понадобилось 4 месяца, чтобы написать содержательную часть исследования, которая занимает всего пять страниц (все «заключение специалиста» – на 66 страницах, большую часть занимает расшифровка пьесы).

Светлана Мочалова. Фото: соцсети

СПРАВКА «НОВОЙ»

Кто такая Светлана Мочалова

Согласно первой странице экспертизы, стаж Мочаловой — 18 лет экспертной работы. У Мочаловой высшее филологическое образование. Экспертная специальность — психолого-лингвистические исследования, автороведческие исследования.

Светлана Мочалова — довольно известный на Урале специалист по «экстремистским» текстам. Так, в 2010 году Мочалова нашла «высказывания, призывающие к

социальной розни и насильственному изменению основ конституционного строя и целостности РФ» в статье «Патриотизм как диагноз» убитого годом ранее адвоката Станислава Маркелова. Статью проверяли в рамках дела против гражданского активиста, преподавателя Тюменского госуниверситета Андрея Кутузова. Его преследовали за распространение листовок с призывами остановить политические репрессии — они, по мнению Мочаловой, разжигали ненависть в отношении представителей власти и возбуждали социальную рознь.

В мае 2015 года Первоуральский городской суд Свердловской области огласил приговор по резонансному делу 23-летней Эльвиры Султанахметовой. Ее обвиняли по части 1 статьи 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Подсудимая разместила на интернет-форуме текст, где рекомендовала мусульманам не отмечать Новый год, поскольку это языческий праздник. Ее приговорили к 120 часам обязательных работ. Обвинение по делу строилось на заключении лингвиста криминалистической лаборатории ФСБ по Свердловской области Светланы Мочаловой. Эксперт выявила в тексте «возбуждение ненависти и вражды к лицам, не отмечающим Новый год, обычаи и празднества которых являются проявлением неверия».

Вопросы для ответов «да»

Все эти 4 месяца Женя Беркович и Светлана Петрийчук продолжали сидеть в СИЗО, потому что на каждом продлении стражи следователь настаивал, что экспертиза еще не

закончена. Напомним, это «заключение эксперта» следствие назначило, когда в начале лета прошлого года сторона защиты раскритиковала предыдущую экспертизу по делу, составленную «деструктологом» Романом Силантьевым. Адвокаты предоставили в суд письма из Минюста РФ, в которых говорилось, что «в судебно-экспертных учреждениях Минюста России не проводится деструктологическая экспертиза», потому что она не входит в перечень «родов и видов судебных экспертиз». Тем не менее суд отказался признать «деструктологическую экспертизу» недопустимым доказательством.

По делам «об оправдании терроризма» судебно-психолого-лингвистическая экспертиза является основным доказательством, тем более что из допрошенных по делу свидетелей никто не заявил о том, что в спектакле «Финист Ясный Сокол» имеются признаки «оправдания терроризма».

И вот следователь Дмитрий Полещук поставил перед экспертом ФСБ Светланой Мочаловой следующие вопросы:

1. Содержится ли в представленных материалах оправдание террористической деятельности на территории Российской Федерации?
2. Может ли информация, содержащаяся в представленных материалах, сформировать у лиц желание или побуждение к осуществлению противоправной деятельности на территории Российской Федерации?
3. Содержится ли в представленных материалах информация, раскрывающая идеологию каких-либо террористических организаций, деятельность которых признана незаконной на территории Российской Федерации? Если да, то какие лингвистические средства на это указывают?
4. Соответствуют ли высказывания героинь в пьесе цитатам Ивановой А.П. (Карауловой В.П.), высказанных ею в судебных заседаниях, содержащихся в протоколе судебных заседаний и

приговоре?

Начнем с того, что два последних вопроса не имеют никакого отношения к предъявленному Беркович и Петрийчук обвинению.

В пьесе ни в коей мере не раскрывается идеология террористических организаций, в ней говорится о том, как обманутые вербовщиками молодые женщины знакомились со своими потенциальными женихами в интернете, всерьез собирались выйти замуж и уехать в какое-то другое государство (в пьесе оно называется Тридевятое царство, а Судья, когда зачитывает документы из реальных уголовных дел о вербовке, называет таким государством Сирию).

Но даже если бы в пьесе была какая-то подобная информация о террористических организациях, это не считалось бы преступлением.

Что же касается четвертого вопроса (о совпадении высказываний персонажей героинь пьесы с цитатами из протоколов судебных заседаний по «делу Варвары Карауловой»), Беркович и Петрийчук эти протоколы не видели — их не было в открытом доступе. Но как заявляла Светлана Петрийчук в своих показаниях, при написании пьесы она читала интервью Карауловой в прессе, поэтому вполне возможно, что история одной из ее героинь напоминает историю Карауловой. Однако в этом тоже нет никакого «криминала» и тем более «оправдания терроризма».

Финист — террорист

Сцена из спектакля «Финист Ясный Сокол». Фото: www.sosodaughters.com

Как эксперт Мочалова отвечает на два первых вопроса.

- **«При этом, из контекста исследуемых материалов следует, что Марьюшка осознает, что ее «Финист — Ясный Сокол» является активным участником международной террористической организации «Исламское государство» (запрещенной в России) (...), но тем не менее желает переехать к нему на территорию Сирийской Арабской Республики, где на момент 2015-2017(...) действовала указанная международная террористическая организация, запрещенная на территории РФ».**

После этого достаточно грозного утверждения эксперт Мочалова приводит цитату из пьесы «Финист Ясный Сокол», где одна из героинь зачитывает «Инструкцию № 1. Как провести брачный обряд никах по скайпу». В этой инструкции нет ни слова о террористической организации, в ней содержатся исключительно правила заключения исламского брака онлайн:

«В назначенный день и час в нашем офисе будет присутствовать свадебный нотариус, свидетели и необходимый персонал. Церемония пройдет в красиво оформленном холле, где вы и жених будете виртуально присутствовать с диагональю не менее 72 градуса (...)»

Удивительно, что в подтверждение своего тезиса эксперт цитирует диалог Судьи и одной из завербованных девушек, который фактически этот тезис опровергает.

«Судья:

— Вы ехали в Сирию, чтобы стать террористкой?

— Я ехала, чтобы выйти замуж».

Единственная фраза в пьесе и в спектакле, которая хотя бы отдаленно могла бы свидетельствовать о том, что одна из десятка героинь в принципе говорит и думает о чём-то, связанном с любой идеологией:

- **«...Финист представляет собой мужской идеал, который крайне сложно найти в современном западном обществе, образ сильного, бесстрашного мужчины, готового убивать и умирать ради своих идеалов».**

Но и здесь опять же нет ни намека на описание этих самых идеалов, нет сути и содержания идеологии ИГИЛ, запрещенной в России террористической организации, или любой другой.

Выводы эксперта начинаются на 52-й странице документа.

«Терроризм как религиозная норма»

- **«Отметим, что в спектакле «Финист Ясный Сокол» можно выделить так называемую «вступительную часть», где женщина, обозначенная как «Ж1», рассказывает о русских**

мужчинах и характеризует их однозначно негативно, говоря о них: «наши мужчины лучше всего умеют делать три вещи: критиковать, давать советы и навешивать чувство вины».

Дальше — больше, эксперту нужно найти в пьесе и в спектакле цитаты, которые бы подходили под «оправдание терроризма». И она ищет.

Находит следующее:

- **«...репрезентация внешнего и внутреннего состояния Марьюшки, которая не раскаивается, а наоборот демонстрирует стойкость и непоколебимость в своих религиозных убеждениях и отношении к Финисту — Ясному Соколу, на что указывает произнесенная ей в конце пьесы (спектакля) «Инструкция №6. Как правильно завязывать платок в колонии».**

Это финальные слова пьесы и спектакля, так называемая инструкция № 6. Она призвана показать читателям пьесы и зрителям, что героини по решению судов оказываются в колонии, и там они, как и все другие осужденные женщины, учатся правильно завязывать платок, что опять же не имеет никакого отношения ни к терроризму, ни к «оправданию терроризма».

И наконец, на странице 53 экспертизы читаем:

- **«... было установлено, что в них (пьесе, читке, спектакле) содержится информация, направленная на оправдание террористической деятельности под видом религиозной идеологии, пропагандируемой ...(ИГИЛ, ИГИШ...)»**
- **«Для оправдания терроризма как речевого действия обязательным компонентом выражаемого смысла является прагматический компонент, включающий оценку**

террористического действия как соответствующего в данном случае религиозной норме, на что указывают следующие фрагменты, где Марьюшка (собираТЕЛЬНЫЙ образ) оправдывает деятельность, в которой участвует Финист Ясный Сокол, см. например (...)»

Далее приводится разговор Судьи и одной из героинь.

Ж1 — Судья. Ж2 — Марьюшка.

«Ж1: Так и не надо мне про любовь чесать! Это все про разврат, да про детские непроработанные комплексы. Ты себе вообще, как это представляла? Что гнездышко уютное совьешь в сарае саманном? Что он будет со всеми плохой, а с тобой хороший? С работы будет приходиться (...) ботинки снимать, на которых кровь человеческая, и валить тебя на топчан, не умывшись? Ты, правда, вот так себе свое семейное счастье представляла?»

Ж2: Да может и так. Что вы понимаете, а?

Ж1: Ну и что? Капнет слеза твоя горячая на голое плечо Финита и пробудится? Посмотрит на тебя и скажет: «Марьюшка, неужели ты трое башмаков износила, трое посохов изломала, три просвира изгрызла, нашла меня? Собирайся, Марьюшка, на родину... Ждут нас там!»

Ж2: И обвенчают нас, и свадьба будет богатая. Мое счастье, как хочу, так и представляю. А родителям моим передайте...»

Где в этом диалоге, который представляет собой спор двух персонажей пьесы (Судьи и Марьюшки), содержится «оправдание терроризма»?

Напротив, Судья отрицательно высказывается относительно возможной свадьбы Марьюшки с Финистом. В предыдущей сцене Судья рассказывает о вербовщиках-террористах и негативно отзывается об их деятельности. В приведенном

диалоге не приводится никакой оценки террористической деятельности как религиозной нормы. Марьюшка рассказывает о том, как она представляет счастье в браке, но ничего не говорит о религиозной составляющей, а тем более о террористической деятельности.

Сцена из спектакля «Финист Ясный Сокол». Фото: www.sosodaughters.com

Хиджаб как «оправдание терроризма»

Следующие выводы эксперта Мочаловой выглядят все более и более неподтвержденными контекстом пьесы:

- **«Для достижения иллокутивной цели авторы речевого действия оправдания террористической деятельности (...) используют различные способы убеждения, которые были выявлены при анализе приведенных выше текстов».**

Эксперт считает, что Женя Беркович и Светлана Петрийчук

апеллируют к религиозным чувствам и ценностям. И для доказательства своего тезиса Мочалова приводит монолог одной из героинь, в котором та говорит, зачем она надевает хиджаб, а не облегающую одежду.

«Если бы я одела облегающую одежду, я бы почувствовала себя воровкой. Я бы чувствовала, что я украла что-то у своего мужа и подарила незнакомцу, который никак обо мне не позаботился, не дал мне ни копейки . Хиджаб защищает от взглядов мужчин, от тех, кто смотрит на женщин, как на кусок мяса, отгораживает от грехов окружающего мира. Хиджаб возвеличил меня, а не унизил...»

Абсолютно непонятно, как рассказ о том, как хорош хиджаб, а в дальнейшем и другие цитаты из пьесы (в частности, инструкции, как сделать халяльный торт), могут являться «оправданием терроризма».

Ответа нет, есть только неподтвержденное цитатами из пьесы и спектакля мнение, подогнанное под вопрос следователя о наличии в исследуемом экспертом материале «оправдания терроризма»:

- **«...для оправдания терроризма авторы используют апелляцию к религиозным чувствам и апелляцию к религиозной норме».**

Экспертиза пьесы или высказываний подсудимых?

Эксперт снова цитирует слова Марьюшки: *«Дома не мужики, а перекасти-поле. Никаких убеждений, одни полумеры. А Финист представляет собой мужской идеал, который крайне трудно найти в современной западном обществе, образ сильного, бесстрашного мужчины, готового убивать и умирать ради своих идеалов...»*

Эти слова героини пьесы эксперт Мочалова невольно приписывает подсудимым Жене Беркович и Светлане Петрийчук, подчеркивая, что авторы создают

- **«романтический образ боевика (террориста), репрезентуемого в образе Финиста Ясного Сокола, (этот образ) проникнут высокими эмоциями и умонастроениями, а также идеализацией священной войны, что определяет т.н. «эстетику джихада».**

Откуда эксперт Мочалова черпает эту информацию? В приведенной цитате ничего не говорится о том, какие у этого мужчины идеалы и кого он идет убивать. И говорит это завербованная и обманутая женщина, а не Светлана Петрийчук и Женя Беркович.

Да, да! При чтении экспертизы порой возникает ощущение, что эксперт ФСБ Светлана Мочалова, проводит лингвистическую экспертизу не по пьесе, а по высказываниям подсудимых.

То есть, она ни разу не упоминает о том, что речь идет о художественном произведении, ведь анализируются слова героев пьесы, которые не обвиняются в «оправдании терроризма».

Не обвиняются они в этом преступлении именно потому, что они терроризм не оправдывают. Героини пьесы — Судьи разоблачают вербовщиков, а Марьюшка (собираТЕЛЬНЫЙ образ героинь, обманутых вербовщиками) говорит, что она мечтала о любви (для этого перед поездкой в Тридевятое царство купила дорогое кружевное белье) и о семейной жизни. Повторюсь, Марьюшка ничего не говорит ни о джихаде, ни о идеологии

террористов.

И здесь мы подходим к самому главному: эксперт случайно или нарочно ассоциирует ислам с терроризмом.

Женя Беркович и Светлана Петрийчук. Фото: Василий Полонский / «Новая газета»

Марьюшка — герой для подражания?

Один из главных выводов эксперта ФСБ состоит в том, что главная героиня Марьюшка является для зрительниц очень привлекательным образом, предметом для подражания, и, посмотрев спектакль, они немедленно последуют ее примеру, отправившись на поиски виртуального жениха в Тридевятое царство, где их ждут террористы.

- **«Следует отметить, что для оценки успешности речевого акта оправдания терроризма в данном случае важнейшим**

фактором является статус субъекта коммуникации — центр героини Марьюшки, поскольку он в определенной степени является образом, которому следует подражать, поскольку отсылает к традиционному фольклорному образу положительной героини Марьюшки, для которой путь в Тридевятое царство, как было отмечено выше, является инициацией взросления, когда меняется социальный и личный статус, когда Марьюшка из девушки превращается в невесту или жену Финиста: из послушной дочери она вырастает до спасительницы любимого».

Адвокат Жени Беркович Ксения Карпинская удивлена таким выводом эксперта Мочаловой: «Как в пьесе, так и в спектакле, ни у Марьюшки — центральной героини, ни у десятка «побочных» героинь в результате их поступков жизнь не сложилась хорошо. Большинство из них оказались в тюрьме. То есть эксперт буквально полагает, что существуют люди, которые сознательно могут захотеть полностью разочароваться в окружающей реальности, в том числе в отношениях с мужчинами из своего окружения, начать виртуальное романтическое общение с несуществующим мужчиной, а на самом деле с вербовщиками-террористами, отправиться «без всего» в другую страну, по приказу лишиться связи с внешним миром, с родными и близкими, лишиться документов, подвергаться опасности ранения или смерти при незаконном пересечении границы, подвергнуть той же опасности своих детей, оказаться среди террористов, жить, ежедневно подвергаясь физическому, психологическому, сексуальному насилию и подвергать тому же детей, умереть при совершении теракта или убить невинных людей, быть судимой, получить реальный срок в колонии, всю оставшуюся жизнь жить с судимостью по тяжкой статье.

Это только факты, перечисленные в пьесе и

спектакле прямым текстом, не требующим специального анализа. Что из этого может стать желательным для подражания?!

И каким образом отсылка ко всем известной сказке, где героиня руководствуется совершенно иными мотивами и получает совершенно другой результат после совершенно иных поступков, может сделать эту героиню желательным примером для подражания? На это эксперт ответов не дает».

Зато эксперт уверенно пишет, что

- **«поскольку в анализируемых текстах пьесы /.../ читки/.../ спектакля /.../, содержатся положительные оценки Марьюшки (собираемый образ), она репрезентуется как женщина, не раскаявшаяся в ходе судебного заседания за участие в деятельности международной террористической организации ИГИЛ/..../(запрещенной в России), то это делает ее образ достойным подражания для большинства девушек и женщин...»**

Фото: www.sosodaughters.com

Что такое «большинство девушек и женщин»? И на каком основании эксперт делает заключение об их количестве?

На самом деле все, что приводит эксперт как признак положительной оценки героини или героинь, — это отсылка к известной сказке «Финист Ясный Сокол».

Излишне говорить, что сказка и пьеса с похожим названием — это совершенно разные художественные произведения.

- **«Тем самым, данную информацию с лингвистической точки зрения следует квалифицировать как информацию, с одной стороны, оправдывающую действия Марьюшки, уехавшей на территорию Сирийской Арабской республики для участия в действиях международной террористической организации /.../ а с другой стороны, как информацию, содержащую лингвистические признаки оправдания террористической деятельности под видом религиозной идеологии, пропагандируемой радикальными**

исламистскими организациями...» — продолжает эксперт.

О какой конкретной информации идет речь? Может, Мочалова имеет в виду то, что героини недовольны своими отношениями с российскими мужчинами? Или что героини исповедуют ислам? Или что слова героини совпадают со словами Варвары Карауловой?

Отметим, что ничего из вышеперечисленного не является признаком «оправдания терроризма».

«Мусульманская тематика — у автора нет шансов»

За комментариями «Новая» обратилась к эксперту-лингвисту, который на условиях анонимности согласился прокомментировать экспертизу Светланы Мочаловой.

«Экспертные учреждения ФСБ — одна из четырех государственных сетевых структур, где есть эксперты-лингвисты (Минюст, МВД, ФСБ и Следком), — пояснил эксперт. — Фирменный стиль этой сети — во-первых, гибридная «психолого-лингвистическая» специальность. В подразделениях ФСБ нет экспертов-психологов в чистом виде: есть лингвисты — и есть некие «психологи-лингвисты» с непонятным набором знаний, но с возможностью проводить сложные комплексные экспертизы единолично. (Кстати, государственные судебные эксперты в принципе не обязаны иметь профильное высшее образование.) Эти гибридные специалисты имеют очень искаженное представление и о психологии, и о языкознании.

Во-вторых, экспертизы ФСБ ссылаются исключительно на научно-методическую продукцию самой ФСБ. Этих пособий никто никогда не видел и не увидит — они не предоставляются ни по адвокатским запросам, ни по судебным. А между тем это не один десяток наименований. В 2019 году появился даже

«Толковый словарь лексики с семантикой одобрения» для работы по уголовным делам.

Конечно, все эти секретные методички — грубое нарушение судебно-экспертного закона. Вообще, вполне можно допустить, что это фейк, что они не существуют в действительности, а вся методическая деятельность ФСБ — вымысел.

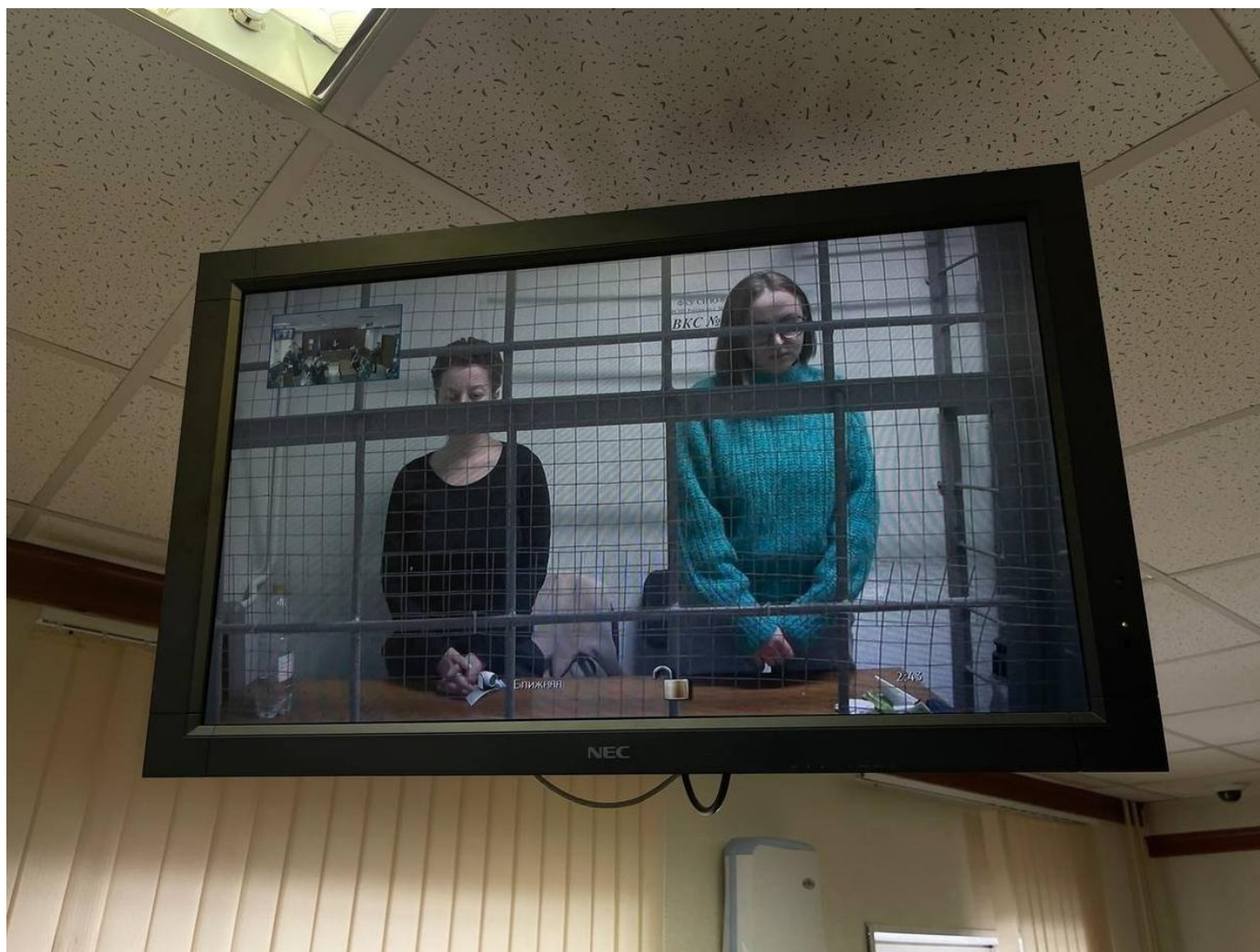
Экспертиза по делу Жени Беркович и Светланы Петрийчук — из того же ряда, ничего нового. Там так же традиционно много «воды» (несколько страниц исследования и полсотни — текст самой пьесы), так же традиционно перед экспертом поставлены вообще не решаемые лингвистом вопросы — и эксперт это традиционно игнорирует. Заключение начинается с ремарки: материал на компакт-диске, оказывается, «доступен для ознакомления неограниченного числа лиц, в том числе пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, следовательно, обладает признаком публичности». После этого «исследование» можно уже серьезно не обсуждать, а сразу выбросить.

И действительно, эксперт не видит разницы между темами ислама и терроризма. Но это тоже традиция — видимо, региональная. Так, в частности, работают в Центре лингвистических экспертиз и редактирования при БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа). Благодаря этой путанице состоялось много обвинительных приговоров по делам крымских татар — мусульман. Если в тексте есть мусульманская тематика, после такой экспертизы у автора нет шансов».

А были ли «шансы» у эксперта Светланы Мочаловой внимательно отнестись к тексту пьесы и к видео спектакля «Финист Ясный Сокол» и, как говорится, «не натягивать сову на глобус»?

То есть, попросту говоря, не присваивать произведению Светланы Петрийчук и Жени Беркович того, чего в нем нет. Например, упоминания шариатского (мусульманского) брака **как брака «между боевиком и потенциальной террористкой»**. В пьесе же, напомню, говорится о мусульманском браке по скайпу.

Или не ставить знак равенства между исламом и терроризмом. И вообще не извращать смысл самой пьесы, в которой речь идет о женщинах, разочаровавшихся в личной жизни и обманутых вербовщиками-террористами. Автор пьесы и драматург ставили своей целью показать, к чему приводит такой обман, и ни в коей мере не приветствовали выбор женщин, польстившихся на виртуальных женихов и сломавших себе жизнь, оказавшись в тюрьме.

Женя Беркович и Светлана Петрийчук. Фото: Василий Полонский / «Новая газета»

Но, как видим, на вопросы, поставленные следователем, Светлана Мочалова ответила утвердительно.

Адвокат Светланы Петрийчук Сергей Бадамшин не захотел комментировать «Новой» экспертизу Светланы Мочаловой. По его мнению, и без всякой экспертизы понятно, что в пьесе «нет оправдания терроризма, пьесу стоит только посмотреть, это станет очевидно любому человеку, в независимости от его вероисповедания».

В ближайшее время следователь Дмитрий Полещук должен закончить расследование уголовного дела об оправдании терроризма в спектакле «Финист Ясный Сокол». Подсудимые будут ознакомлены с материалами дела. Потом следователь составит обвинительное заключение, его должен будет утвердить прокурор, и дело передадут в суд. Среди

доказательств обвинения будут фигурировать обе экспертизы: «деструктологическая», авторства Романа Силантьева, и «экспертиза ФСБ» — пера Светланы Мочаловой.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Как граждане мы рассчитываем на час суда, но каждый раз получается День сурка...»](#)

Речь Жени Беркович и Светланы Петрийчук в суде, который в очередной раз «не увидел оснований для изменения меры пресечения»

16:08, 9 января 2024,

[«Театр одного судьи»](#)

В подкасте «Совещательная комната» — разговор о жестокости людей в мантиях, люстрации и лицедействе в судебных процессах

14:27, 12 января 2024, Зоя Светова, Вера Челищева